

ОСТРОВ РИКОТУ

/пьеса/

Действующие лица:

ИГОРЬ ВОЕВОДИН – лет 30, московский журналист

АНТОНОВ – лет 60, начальник цеха обработки рыбы и морского зверя

СТЕПАНОВА – лет 50, обработчик морского зверя

ТИМОФЕЕВ – лет 70, бывший охранник радара

АНЯ – лет 25-27, специалист по альгологии

СЕЛЕЗНЁВА – лет 40, бойкая бабёшка

Несколько мужчин и женщин, жителей Рикоту – без слов

Действие происходит на Дальнем Востоке – таком дальнем, что «дальнее» просто не бывает.

ДЕНЬ

Комната в деревянном доме – на русском Севере и Дальнем Востоке такой дом называют «балок». Потемневшие стены, самая простая обстановка: застеленная панцирная кровать в левом углу, около неё – табуретка со стоящей на ней керосиновой лампой, у авансены стол, покрытый выдавшей виды клеёнкой, вокруг – несколько табуреток. У входной двери – тумбочка с висящей на одной петле дверцей, на тумбочке – одноконфорочная электроплитка. На правой стене несколько вбитых гвоздей-вешалок, рядом – дверь в другую комнату. С потолка свисает лампочка без абажура.

На кровати сидит Игорь, шарит в рюкзаке. На Игоре свитер, джинсы, ботинки на толстой подошве, похожие на армейские.

Игорь: Кажется, что здешнее небо сейчас упадёт тебе на плечи... (Пауза) На плечи... Выспренно, нет? Или: остров Рикоту сначала казался маленькой точкой на горизонте... Ну, типа – куда едем? На остров Рикоту... Ага, вот он! (Достаёт из рюкзака цифровой диктофон) Спрятался, сон о зэ битч? Ну, как начнём с тобой – с плечей, на которое небо падает, или с острова Рикоту?

Встаёт, ходит по комнате, заглядывает в приоткрытую дверь другой комнаты.

Игорь: Фигасе у них хлама всякого...

Открывается дверь, заходит Антонов, мощный мужик с обветренным лицом, за ним – Степанова. На ней брезентовые штаны, заправленные в

высокие резиновые сапоги, свитер, ватник и шерстяной платок, повязанный как бандана.

Антонов: Вот, товарищ журналист, та самая Степанова. Один из старожиллов, так сказать.

Игорь: Да-да, жду!

Антонов: Ты проходи, Степанова, садись. Это вот журналист из Москвы, так сказать. Расскажешь ему про работу свою, про жизнь-бытьё... В общем, об чём спросит. Всё. Я в цех.

Игорь (*закрывающейся двери*): Спасибо, господин Антонов. (*Садится на кровать, показывает Степановой на табуретку*) Да вы проходите, садитесь вот сюда. Будем беседовать.

Степанова, словно набравшись смелости, проходит и садится.

Степанова: Ну чего... Обработчиком морского зверя я, значит, тружусь уже седьмой год...

Игорь: Ой, подождите, плиз, я батарейки в диктофон не засунул еще. (*Возится с диктофоном*)

Степанова с недоверием смотрит на цифровой диктофон, хмыкает.

Степанова: И что, в такую вот палочку весь наш разговор уйдёт?

Игорь: И наш, и еще много других разговоров.

Степанова: Вот ведь... Это что ж – такие кассетки маленькие там, что ли?

Игорь: Нет, тут без кассеток. Цифра!

Степанова: Чего?

Игорь: Ну... тут хитрее всё, в общем. Я и сам толком не понимаю, как это всё функциклирует.

Степанова: А-а...

Она искоса смотрит на Игоря – кажется, авторитет московского журналиста несколько померк в ее глазах.

Игорь: Ну всё. Можем начинать. Говорите.

Степанова (*кашлянув*): Ну чего... Обработчиком морского зверя я, значит, тружусь уже седьмой год...

Игорь: Нет-нет, давайте с начала. Как вы вообще попали сюда, давно ли приехали и всё такое. Или, может, родились здесь?

Степанова: Да какой там. Тут никто ведь не рождался еще – все приезжали только.

Игорь: А приехали когда?

Степанова: Да когда?.. Уж лет десять. Ну да.

Игорь: Чем же привлѣк вас этот дикий край, что вы решили сюда переселиться?

Степанова: Привлѣк?.. А, так это нет. Не так. Это ж муж мой, Колька, покойничек уже, приходит домой как-то, бумажки какие-то в руке, и всё, говорит, мать, едем на остров Рикоту, деньгу зашибать.

Игорь: И вы, как верная декабристка...

Степанова: Чего?

Игорь: За мужем, в смысле. Поехали за мужем.

Степанова: Так а куда бы я делась-то? Колька у меня был – это ж что-то с чем-то. Его мужики во дворе, с которыми он в домино сидел, знаешь, как прозвали? Пиночет! У него ж нос три раза был сломан, вот такой весь был. Храпел ночью так, что соседи стучали из-за стенки. Там что не по-евоинному, то сразу на кулачки, и только свист стоит.

Игорь: Бил вас?

Степанова: Ну как... Это как положено.

Игорь: Сочувствую.

Степанова: Чего?

Игорь: Не понимаю я таких мужчин.

Степанова: Тю. Мужик-то был хоть куда, тут и понимать нечего.

Игорь: А почему он принял решение отправиться на этот остров?

Степанова: Так там как было-то? Он в тот день, оказывается, знакомца какого-то своего встретил. Покупал пиво в магазине, ну и тот тоже там покупал, только коньяк. Колька ему: «О, кучеряво живешь», мол. Ну и тот давай про острова эти дальневосточные рассказывать, какие он деньжищи здесь зашибает, и всё такое. А Колька мой – это ж не только подраться, это же шило в жопе... Ой, я извиняюсь...

Игорь: Ничего, ничего.

Степанова: Нельзя, наверное, такие слова в газету-то?

Игорь: Это мы потом уберём, не волнуйтесь.

Степанова: А, ну ладно. Ну, в общем, непоседливый он был, Колька-то. Да всё мечтал в Америку поехать. Хочу, говорит, своими глазами убедиться, что там всё так, как по телеку рассказывают. А я всё смеялась, что с его мордой только, я извиняюсь, в туалете тараканов пугать, а не то, что в Америку. То есть, говорила, Колька, завернут тебя прямо на границе. Нельзя тебя вообще из страны выпускать, чтоб не позорил. Ну, а он всё одно мечтал. Только там же денег-то сколько нужно... А тут, значит, этот вот знакомец. Ну, сманил, получается. Завлёл длинным рублём.

Игорь: Понятно...

Степанова: И Колька сразу в контору побежал, где сюда желающих вербовали. И вот так...

Игорь: Наверное, после городской жизни здешние просторы были непривычны?

Степанова: Оооой, да что ты. Это ж не то слово. Целый месяц плакала от страха.

Игорь: Почему от страха?

Степанова: Да ну что ты! Ветер гудит, океан шумит, шелестит всё непонятно, балок скрепит... Днем на улицу выйдешь – кругом вода, небо щас придавит как будто, серое всё, ой! Долго привыкала.

Игорь: А, привыкнув, наверное, даже полюбили?

Степанова: Ну, а куда деваться-то?

Игорь: Ну да. Логично.

Степанова: Ничё. Живём...

Игорь: А жилищные условия тут у вас как? Снабжение и прочее?

Степанова: Ну, как? Жилищные... Вот так примерно. *(Обводит рукой помещение)* Не хоромы, ясное дело. Уж куда там.

Игорь: А в магазине что есть?

Степанова: Да что... Всё, что нужно, есть. То есть магазина-то нет. Тут приезжает раз в месяц баркас, типа автолавка – закупаемся.

Игорь: А если вдруг кончится что?

Степанова: Да где это? Не было такого. Крупы там, макароны – вон, еще с прошлого месяца полны закрома.

Приоткрывается дверь, и в комнату заглядывает пожилой седоусый старик в старой военной фуражке. Хмуро и молча смотрит на Игоря.

Игорь: Э-э... добрый день.

Степанова (обернувшись): Ну, чего тебе, Тимофеев?

Старик молчит.

Степанова: Давай, давай, дуй морем, не видишь – беседуем.

Тимофеев (хрипло): Кто таков?

Степанова: Корреспондент. Из Москвы типа. Давай уже. *(Машет рукой)*

Тимофеев всё так же хмуро смотрит на Игоря.

Игорь: Меня Игорь Воеводин зовут. *(Пауза)* Станиславович.

Тимофеев: Ага.

Игорь: Э-э... Я и удостоверение могу...

Тимофеев: Давай.

Степанова: Ой, батюшки, ну привязался!

Растерянный Игорь роется в лежащем на кровати рюкзаке, достает корочки, протягивает их Тимофееву.

Игорь: Вот.

Степанова: Ой, да не обращайтесь вы внимания на него! Это ж Тимофеев, гос-споди!

Игорь: Да нет... Отчего же...

Тимофеев не спеша заходит в дом, и Игорь теряется еще больше, увидев за плечом старика ружье. Тимофеев берет корочки, подносит близко к глазам, потом относит далеко, открывает, изучает.

Игорь (приободрившись): Ну что, нормально всё?

Тимофеев молча смотрит на него, возвращает корочки и идет к двери.

Степанова: Иди, иди. Сказано же было тебе, что корреспондент. Всё бдительность разводит.

Игорь (садится): Старой закалки человек.

Тимофеев выходит.

Игорь: Колоритный какой персонаж!

Степанова: Тю. «Персонаж»... Это же Тимофеев! Тут на соседнем острове ж раньше радар стоял – следил за америкашками, чтоб не летали, куда не просят. Ну, и военные были при радаре, конечно. Никого не было больше – радар и военные. А потом-то сократили это всё дело, военные уехали, а радар стоял еще какое-то время. Ну, и Тимофеев сторожил, чтоб там не открутили чего. Хотя кому там чего откручивать, когда пустой остров. А потом и радар сократили, значит, разобрали да увезли. Ну, а у Тимофеева через это дело сдвинулось в головойке-то что-то. Жалко его, между нами-то, потому как год, считай, один на пустом острове сидел. Там же когда радар приехали разбирать, он чуть военных этих не пострелял от бдительности. Такой псих-одиночка – это что-то с чем-то!

Игорь: Да он вон и сейчас с ружьем.

Степанова: Да, перевезли его потом к нам на Рикоту, ходит вот, типа сторож.

Игорь: Ну, смотрит как рентген!

Степанова: Да это он так... А вообще-то безобидный.

Игорь: Ну, ладно. На чем мы там с вами остановились?

Степанова: Да вроде вы про продукты спрашивали.

Игорь: В смысле?.. А! Ну да. Ну, давайте, наверное, теперь о работе поговорим вашей.

Степанова: Ну, значит, обработчиком морского зверя я тружусь уже седьмой год...

Игорь: А что это за «морской зверь» такой?

Степанова: У нас тюлени тут.

Игорь: Ух ты. И что вы с ними?..

Степанова: Ну, чего? Вот шкуру с него мужички сняли, тушку порубали на куски, тут моя работа начинается. Помыть сначала всё это дело надо, щетками. Отмочить надо мясо, печень, сало и хоровину. Потом куски солью натереть, в чаны покласть, опять же солью пересыпать. Это, значит, в чаны мы мясо и сало кладём, а шкуры в ваннах засаливаем. Вон, руки видишь, какие?

Игорь: Н-ну... красноватые...

Степанова: Тю! «Красноватые»! Ты с солью-ка повозись семь годков, посмотрим, какие у тебя «красноватые» будут. Никакие перчатки не спасут! «Красноватые».. Это ж ровно помидорный цвет!

Игорь: Ну, в общем, да...

Степанова: Потом, значит, отжимаю я на прессах шкуры те же, еще шелегу, шквару, баткак...

Игорь: Ой, ой, сорри, погодите! Это что за звери такие?

Степанова: Да не. Зверь один – тюлень, а от него и шквара, и...

Игорь: Я понял, понял. Что это значит? Это части тела, что ли?

Степанова: Ну, какого тела? Говорю же – тюлень.

Игорь: Ну, я и имел в виду... Тюленьего тела, в смысле.

Степанова: Вот когда водоросль Кольку моего прибрала, вот там из воды тело достали. А то ж тюлень! У него туша.

Игорь: Ладно. Хорошо. Части тюленьей туши.

Степанова: Во-от. А то – «тело». Труп еще скажи! *(Громко хохочет, прикрывая щербатый рот рукой)*

Игорь улыбается, не очень разделяя веселье. Отсмеявшись, Степанова утирает пальцем глаза, качает головой – вот сказанул корреспондент!

Степанова: Шелега, да шквара, да баткак – это всё сало тюленье. Только шелега – это когда оно еще сырое. А пахнет-то оно, милый мой, – это те не французские духи. И топить его надо, чтобы дух этот нехороший вышел. И вот вытопишь то сало, получится шквара – это что в пищу нельзя, отходы. Да и баткак то же самое почти. Вытопки, короче. И возни со всем этим много, потому как сала-то у тюленя – во сколько!

Игорь: В общем, тяжелая работа, насколько я понимаю?

Степанова: Да ничё. Работаем. Вот как только приехали сюда с Колькой, я обработчиком рыбы была, так оно тяжелее как будто было. А может, с непривычки просто...

Игорь: А там что делали?

Степанова: Да что? В основном рыбу мыла-чистила. Вот тоже всё этими самыми ручками. Скребок с утреча взял, да и погнал на целый день скребсти ту рыбу. Щеткой еще, мочалкой. Чтоб ни чешуи, ни крови там, ни плёнки никакой...

Игорь: Да-а... Наверное, на рыбу смотреть уже не можете?

Степанова: Тю! А что ж нам тут – гольным воздухом питаться? Едим, едим, милый. Мы вот тебе приготовим – пальцы съешь!

Игорь: Спасибо.

Степанова: Тюленина, опять же. Ты вот тюленину ел?

Игорь: Нет.

Степанова: Ой, что ты! А вкусно! Приготовим тебе.

Игорь: Ой, вы знаете, я, наверное, откажусь...

Степанова: Чего так?

Игорь: Н-ну... Не знаю. Как-то... ну, я не знаю. Я вот по телевизору видел тюленят маленьких – они такие белые, пушистые, с глазами...

Степанова: С какими глазами?

Игорь: Глаза у них такие... Чёрные, огромные.

Степанова слегка отстраняется, смотрит на Игоря как на полного придурка.

Степанова: Ты серьёзно, что ль?

Игорь: А еще у меня девушка взносы в «Гринпис» платит.

Степанова: Чего?

Игорь: «Гринпис». Организация, которая животных и вообще природу защищает.

Степанова: Тю! А мы что ж?.. «Защищает»... Мы браконьерничаем, что ли? Написано: можно вот столько-то тюленя взять. Столько и берут мужички.

Игорь: Ну, всё равно...

Степанова: Ну извини, говядинки да свининки у нас тут не пасётся. В банках для тушёнки разве.

Игорь: Ну, вот вы собаку же не стали бы есть?

Степанова: Чего?

Игорь: Собаку же вот бы есть не стали, правильно?

Степанова: Припёрло бы – так стала. Ты давай спрашивай, чего еще у тебя, а то ж работа стоит.

Открывается дверь, в нее бочком протискивается Аня – худенькая девушка с бесцветным лицом. Она держит в руках большой металлический чайник и поднос, на котором стоят металлические кружка, две миски одна в одной, пачка чаю и какой-то маленький полиэтиленовый кулек – кажется, с карамельками. Бренчат лежащие в верхней миске ложка и вилка.

Степанова: О-ой, а вот волшебница наша, хозяйюшка наша, девочка моя маленькая!

Кидается к девушке, забирает у нее поднос, чайник, ставит всё на стол.

Аня: Антонов сказал вот всё необходимое гостю отнести. *(Игорю)* Здравствуйте.

Игорь: Здравствуйте. *(Встаёт, подходит)* О, да тут всё, что нужно для безбедной жизни на краю земли. Спасибо. Меня Игорь зовут.

Степанова: А это Анята, мариводица наша, красавица наша!

Игорь: Мариводица?

Аня: Маривод. Тётъ Саш, ты бы сходила, воды принесла.

Степанова: А, щас, щас! Чаёк будет, всё будет! Ты плитку-то включай, чтоб раскочегарилась пока! *(Подхватывает два ведра, стоящие у двери, выходит)*

Игорь: Это кто же такой – маривод?

Аня включает плитку.

Аня: Специалист по марикультурам. Но вообще-то я занимаюсь альгологией, только тёте Саше трудно запомнить слово. У неё всё «алькогология» какая-то получается.

Игорь: Ну, у меня ассоциации примерно такие же. Это что за зверь?

Аня: Наука о водорослях.

Игорь: Экзотично.

Аня: Надолго к нам?

Игорь: На пару дней. Послезавтра за мной баркас вернется.

Аня: Это очень мало...

Игорь: Ну, чтобы очерк написать – достаточно.

Аня: И что же там будет, в этом очерке?

Игорь: Ну, мы в газете задумали цикл статей под условным названием «Краешек России»...

Аня: Краешек чего?

Игорь: России.

Аня: А-а...

Игорь: Будем рассказывать о всяких отдаленных уголках, типа вашего Рикоту.

Аня: У нас здесь очень хорошо.

Игорь: Да, наверное. Но мне после Москвы диковато, конечно.

Аня: После чего?

Игорь: После Москвы. Я из Москвы.

Аня: А-а...

Входит Степанова с ведрами, наполненными водой, ставит их у двери.

Степанова: Вот и водичка, вот и чаёк будет.

Аня: Спасибо, тетя Саш.

Степанова: Как вы хорошо рядом друг с другом смотрите-то, а? Прямо молодые такие, красивые – очень хорошо смотрите!

Аня: Тётя Саша...

Степанова: Да я ж ничего, Анечка, мне ж вообще бежать пора! Работа стоит. Сказать хотела – сказала. Хорошо смотрите, и всё тут. Ты, корреспондент, если что еще спросить хотел – так вечером спросишь. Сготовлю рыбки, как обещала, Аня вон солений принесёт своих. Да, Анют?

Аня: Конечно.

Степанова: Уж такие соленья, так готовит – пальцы съешь!

Игорь: Спасибо.

Степанова: Да не за что пока. *(Уходит)*

Аня: Не обращайтесь внимания на нее. Она обо мне очень заботится просто.

Игорь: Да нет, я ничего...

Аня: Вы вот чайник наливайте, вон плитка. Хозяйничайте. Скоро вечер, ужинать будем.

Игорь: Я похожу тут у вас по местности, посмотрю, пощёлкаю.

Аня: Что?

Игорь: Ну, пофотографирую.

Аня: А-а. Да, конечно. У нас очень красиво здесь. Только слишком близко к воде не подходите.

Игорь: А что? Акулы? Крокодилы?

Аня *(не реагируя на шутку)*: Нет. Просто бывали несчастные случаи... разные.

Аня выходит. Какое-то время Игорь стоит, озадаченно глядя на закрывшуюся дверь, а потом берет чайник, наполняет его водой, ставит на плитку, всё время приговаривая: «Не-е, к воде мы подходить близко не будем... Не будем мы и близко к воде подходить... И зачем нам близко к воде?.. И не будем мы туда подходить...»

Затемнение.

ВЕЧЕР

Комната Игоря. У стола сидят он, Степанова, Аня, Антонов и Селезнёва. На принарядившейся ради гостя Селезнёвой – кримпленовая блузка с каким-то невероятным по яркости цветастым узором, который

столь контрастируют с обстановкой и нарядами других, что Селезнёва кажется колибри, затесавшейся в стайку воробьев.

На столе стоят многочисленные миски, стопочки и стакашечки, а посередке возвышается добрая длинношеяя бутылка самогонки. Съедено и выпито немного – начали совсем недавно.

Селезнёва (Игорю): Нет, ну вы вот мне всё-таки расскажите, шо ж это там за Москва такая? Какая это она из себя такая есть?

Степанова: Ну, чё пристала? Дай человеку поесть. Сама закусывай!

Селезнёва: За меня не плачь, я девочка взрослая. *(Игорю)* Так вот и шо ж там это за Москва?

Игорь *(смеётся; он вообще в приподнятом расположении духа, потому что чувствует себя королём вечеринки):* Ну как – «что за Москва»? Столица нашей Родины, город-герой Москва. Кремль, Красная площадь, Арбат, метро, все дела.

Селезнёва: Вот прям город?

Игорь: Ну да.

Антонов *(без особого интереса, обсасывая рыбью косточку):* Большой?

Игорь: Ну, как большой? Огромный, вообще-то!

Степанова: Антонов, наливай давай.

Антонов наливает.

Аня (Игорю): Попробуйте вот это.

Игорь: А что это?

Степанова: Ой, пробуй, пробуй! Это ж соленья Анечкины! Это ж первая закуска!

Игорь несмело подцепляет вилкой из миски что-то коричневатокрасного цвета, порезанное тонкими полосками.

Игорь: А что это?

Аня: Порфира. Одна из красных водорослей.

Селезнёва (*хохочет*): Ты звиняй – у нас огуречиков-помидорчиков тут нема!

Игорь нюхает соленье.

Степанова: Да ешь ты, гос-споди! Не отравишься! (*Сама щедро цепляет порфиру вилкой, отправляет в рот, жуёт, жмурится от удовольствия*).

Игорь следует ее примеру, жуёт осторожно, прислушиваясь к ощущениям. Потом жуёт всё смелее и смелее, быстро одобрительно кивает головой – ну надо же, вкусно! Остальные, глядя на него, довольно улыбаются, переглядываются.

Игорь (*прожевав*): Слушайте, а ведь это вещь! Это вещь, господа, реально вещь!

Аня: Ну, спасибо, что оценили.

Степанова: Что ж мы тебе – или какашку подсунем? В кои-то веки гость у нас, да еще из этой самой... как там её?

Антонов: Москвы.

Степанова: Ну да. Так что ешь, ешь давай, да нахваливай. Это ж Анюта наша – она ж хозяйюшка наша, умничка!

Аня: Тётя Саша...

Игорь: А я ем! Я ем. И нахваливать буду – не сомневайтесь.

Селезнёва: Ай, наш человек!

Антонов (*берет стакан*): Ну, давайте, так сказать, за то, что гостю угощение наше понравилось. Спасибо, девоньки.

Степанова, Аня и Селезнёва с довольными улыбками переглядываются. Все чокаются, выпивают. Игорь хватает что-то из ближайшей миски, закусывает, опять одобрительно качает головой.

Степанова: А? А? А он есть не хотел!

Игорь: А это, это что такое?

Аня: Ламинария. Морская капуста.

Игорь: Да ну! Да бросьте!

Аня: Да.

Игорь: Это вот из этой гадости такая вкуснятина у вас получается?

Аня: Ну почему из «гадости»? Просто водоросли подхода требуют, их с любовью нужно выращивать и готовить.

Сёлезнёва: Да, журналист, ты «гадостью»-то не ругайся, а то обидимся!

Игорь: Нет, сорри, я ничего такого... Просто ел я как-то эту морскую капусту в студенческие годы – это ж ни в какое сравнение вот с этим!

Степанова: Так там кто ее готовил? А тут Анята наша готовила!

Селезнёва: А в Москве этой, как вы говорите, – там что обычно кушают?

Игорь: О-о, у нас там чего только ни кушают! В японских и китайских ресторанах, конечно, и водоросли всякие подают. Только я не брал никогда – у меня вкус той студенческой морской капусты всю охоту отбил.

Селезнёва: А жена ваша что готовит обычно?

Игорь: Да что?.. Н-ну, котлеты готовит, супы всякие готовит, курицу там... Всякое готовит. Только у меня не жена – мы просто живём вместе.

Селезнёва: Ай, а чего так? Чем плоха?

Аня: Люда, перестань.

Степанова: Ты, корреспондент, на Людку внимания не обращай – звенит как галька, но добрая. Она от чистого сердца.

Селезнёва: А чё, не от чистого, что ли? Конечно, от чистого! Вон молодой какой, ладный – и не женатый! Это ж просто брильянт яхонтовый!
(Хохочет)

*Игорь сам начинает смеяться, вслед за ним смеются и остальные.
Открывается дверь, входит Тимофеев.*

Тимофеев (*грозно*): Чего ржёте?!

Игорь осекается, остальные не обращают внимания.

Антонов: Давай, Михал Тарасыч, садись к нам.

Тимофеев (*идя к столу*): Обхожу территорию, спокойно везде, тихо, все уже спят, как положено, а тут вы.

Антонов: Садись, садись, не бухти.

Тимофеев садится, Антонов подвигает ему стакан, наливает, потом наливает остальным. Игорь ёрзает под хмурым взглядом Тимофеева.

Степанова (заметив это, Игорю): Да не бойсь. Это он так – для фасону. (*Тимофееву*) Ну, чё на гостя уставился-то, ровно осьминог? Документы видел, чё тебе еще-то? Ешь, пей давай, хватит бдительность разводить!

Тимофеев хмыкает, степенно берет стакан и в одиночку выпивает.

Селезнёва (*смеётся*): Ну ты глянь на него! Без тоста!

Степанова: Да он там про себя, наверное, сказал какой-нибудь, особо секретный!

Все, кроме Тимофеева, смеются.

Тимофеев (*закусив*): Смейтесь-смейтесь. Всё смехуёчки вам.

Селезнёва (*поёт*):

Ой, как молода была –

Всё я веселилась!

Как без мужа родила –

Тут и прослезилась!

Йи-и-их!

(*смеётся*)

Степанова: Да ладно врать – родила она...

Селёзнева: А вот потому и веселюсь еще! (*Хохочет*)

Антонов (*наливает Тимофееву, поднимает свой стакан*): Давайте выпьем, так сказать, чтобы рыбы в море не убывало.

Степанова: Да куда она денется, та рыба...

Все чокаются, выпивают, закусывают.

Игорь (*грозит Ане пальцем*): А вот я смотрю, у вас, госпожа альголог, в стаканчике-то не убавляется!

Аня: Я так... Чисто символически. Мне много нельзя.

Игорь: Всем много нельзя. А надо! Давайте-ка, Анюта, до дна. До дна! До дна!

Степанова (*грубо*): Ты чего пристал? Сказано же – нельзя ей.

Селезнёва (*старается сгладить возникшую неловкость*): Вы лучше, Игорёк, про Москву нам эту расскажите.

Тимофеев: Москву? Какую это Москву?

Антонов: Столица, говорит.

Игорь: Что же вам рассказать про неё? Вы спрашивайте.

Тимофеев: Да чего там спрашивать, когда никакой такой Москвы и нету?

Игорь: В смысле?

Антонов: Ты не напирай, Михал Тарасыч, не напирай.

Тимофеев: А чё «не напирай»-то? Будет он тут щас мне водоросли на уши вешать! «Москва»!

Игорь: Да как же?... Я... я вам паспорт с пропиской могу показать!

Степанова: Чего?

Игорь: Паспорт. С пропиской. Москва, Шипиловский проезд... Всё написано.

Антонов: Да вот, так сказать, на баркасе тоже написано «Ракета», но это ж баркас.

Игорь: Господин Антонов, вы что, тоже не верите, что я из Москвы?

Аня: Нет, мы верим...

Степанова: ...Просто никакой Москвы нету, да и всё.

Игорь сидит, изумлённо хлопая глазами.

Селезнёва: Ну вот, чё вы влезли? Так хотелось послушать, посмеяться!

Антонов: А тебе бы только, так сказать, поиздеваться над человеком.

Игорь: Не, это что, шутки у вас тут такие, в этой глухомани?

Степанова: Ты, милый, не сердись. Мы по-простому.

Игорь: А, всё-таки шутка?

Тимофеев: Шутка – это Москва твоя.

Игорь: Ну ладно, ладно. Типа развели московского лоха. Ладно. Я не из Москвы, потому что Москвы нет. Ладно. Смешно.

Антонов: Вот за это и выпьем. *(Разливает)*

Аня (Игорю): А вы вот еще это не пробовали.

Игорь: Тоже водоросль?

Аня: Да. Алария.

Игорь: Сколько ж их тут у вас...

Степанова: И все вкусные!

Игорь: Да. Не поспоришь.

Антонов (поднимает стакан): Ну, давайте за гостя нашего. Редко тут кто новенький у нас появляется.

Селезнёва: Да еще симпатичный такой!

Игорь: Ну, спасибо на добром слове.

Чокаются, выпивают.

Степанова: Давай рыбки еще.

Игорь: Спасибо.

Антонов: Что ж вы, бабоньки, мяска-то не приготовили? Прямо пустой стол.

Степанова: Тю! «Пустой»! Чтоб всегда такой пустой был! Брезгает гость нашим мясом-то!

Антонов: Как это?

Игорь: Я? Я ничего такого...

Степанова: Глаза, говорит, у тюленей.

Антонов: Чего?

Игорь: А, ну если вы про тюленьё мясо, то я да... Я не хочу, спасибо.

Селезнёва: А чего так? Мясо как мясо.

Степанова: Собачатина, говорит.

Игорь: Нет! Вы не так поняли! Я... ну я просто не могу.

Антонов: А-а. Ну, это с непривычки, так сказать. Потом привыкните.

Игорь *(со смешком)*: Боюсь, не успею.

Аня: Он баркаса послезавтра ждёт.

Антонов: Это которого?

Игорь: Который привёз меня сюда.

Антонов: «Ракету», что ли?

Игорь: Ну да.

Антонов: Скоренько вы от нас, так сказать.

Игорь: Да за два дня материала выше крыши можно собрать. Я сегодня отличные фотографии сделал.

Тимофеев: Это куда он собрался?

Селезнёва: Да в Москву, видать! *(Смеётся, за ней все остальные)*

Игорь *(с неуверенной улыбкой):* Ну да...

Смех становится громче.

Селезнёва: Ой, я с него балдю!

Игорь: Нет, а чего такого-то?

Аня: Всё, всё, хватит смеяться над человеком. Ну, хватит. *(Смех стихает)* Вы извините нас, Игорь.

Игорь: Да нет, я просто не понимаю...

Антонов: Ладно, мужички, айда покурим. *(Встаёт)*

Степанова: Идите, идите. Проветриться – оно полезно.

Антонов выходит, за ним Игорь и Тимофеев.

Аня молча протягивает руки Степановой и Селезнёвой, те берутся за них. Женщины закрывают глаза, опускают головы и замирают. Свет становится всё тусклее, наконец гаснет, но по углам комнаты появляется какое-то голубоватое свечение, в котором начинают извиваться тени, очень похожие на водоросли, колышущиеся под водой.

Аня: О, великая мать моря...

Степанова и Селезнёва: Жизнь и пищу дающая...

Аня: Мы молили тебя...

Степанова и Селезнёва: И ты дала...

Аня: Спасибо за твой дар...

Степанова и Селезнёва: За все твои дары...

Аня: Будет новая жизнь...

Степанова и Селезнёва: И будет вечность...

Аня: И мы вечно прибудем...

Степанова и Селезнёва: Благодаря милости твоей...

Аня: Дай новую жизнь этой земле...

Степанова и Селезнёва: Молим тебя...

Аня: Возьми свою жертву...

Степанова и Селезнёва: Оставь нам твой дар...

Аня: О, великая мать Водоросль!

Степанова и Селезнёва: Не покинь своих дочерей.

Пауза. Лампочка мигает и загорается, тени в углах исчезают. Женщины расцепляют руки, глубоко вздыхают, поднимают головы, переглядываются.

Степанова: Услышала ли она нас?

Аня: Она всегда слышит.

Селезнёва: Я чувствую её великий холод в своем сердце...

Аня: Она с нами.

Заходят мужчины, рассаживаются.

Антонов: А там ведь, бабоньки, шторм начинается.

Женщины переглядываются, Аня чуть заметно кивает.

Степанова: Вот напасть-то!

Селезнёва: Надо красавчику нашему залётному одеяло, что ли, еще одно принести. Как бы не змэрз! *(Смеётся)*

Игорь: Да тут вроде и так толстое.

Селезнёва: Ну, смотри сам. Наше дело предложить – ваше дело отказать!

Антонов: Тут вот он шас на улице интересовался, так сказать, как мы без телевизора живём тут. *(Разливает)*

Степанова: Тю! А что нам телевизор?

Игорь: Н-ну... Новости... Фильмы какие-нибудь. Концерты.

Селезнёва: О-ой, та какие нам тут концерты? Я вот заспиваю – никакого концерта не надо! *(Поёт)*

Как я песню запою –
Мужики все падают!
Обжиматься обжимают,
Только всё не сватают!
Йи-и-их!
(Хохочет, все смеются)

Игорь: А сколько же вас здесь живёт, на Рикоту?

Антонов: Да немного, так сказать. Мы вот, да еще десять человек. Ну, как если большой улов, то его на соседний остров везут. Они, так сказать, на своём острове большой цех по заморозке имеют. А мы тут вроде как на подхвате. Маленький цех у нас.

Игорь: А в отпуск вы куда обычно ездите?

Антонов: Отпуск? Да никуда не ездим.

Игорь: То есть как? Вот так и сидите круглый год здесь?

Степанова: А чё не сидеть-то?

Аня: Места у нас тут хорошие, отдыхать – одно удовольствие.

Игорь: Так я ваш остров за три часа весь обошел. Это ж с катушек можно съехать – всю дорогу тут сидеть!

Аня: А мы дома. Нам хорошо.

Игорь: Ну вы же все приезжие здесь. Неужели на родину не хочется съездить, родных повидать? Климат тут тоже, между нами...

Антонов: Ну, какая-токая родина, так сказать? Поживёшь тут – она и забывается, родина-то.

Селезнёва: Забывается.

Степанова: Совсем забывается.

Аня: Мы и так на родине.

Игорь: Ну, если смотреть в общем, то, конечно, да. Родились в России, остров России принадлежит, так что вы на Родине, конечно. Я про малую родину говорил... Города ваши, откуда вы там?..

Тимофеев: Это что ж за Россия такая?

Аня: Рикоту нам принадлежит.

Игорь (*растерянно смеётся*): Как «что за Россия»? Это вы что, старую песню начинаете, что ли? Москвы нет, а сейчас скажете, что и России нет?

Аня: Главное, Рикоту есть.

Игорь: Э, э, э! Господа! Что за бред вообще? (*Поднимает стакан*) Так, я прошу всех выпить за Россию. За страну, в который мы живём. (*Остальные переглядываются*) Я настаиваю!

Антонов (*берет стакан*): Ну, слово гостя – закон, так сказать.

Все чокаются и выпивают. Игорь опрокидывает свой стакан махом.

Селезнёва: Ты глянь, разволновался прям!

Игорь: Дважды повторённая шутка – уже не шутка. Не смешно уже.

Пауза.

Антонов: Говорено ж тебе было, Михал Тарасыч – не напирай, так сказать.

Тимофеев в сердцах машет рукой.

Степанова: Людк, ты закусывай давай!

Селезнёва: За меня не плачь!

Антонов (*разливая из бутылки*): А вот, положим, Россия, вы говорите... Вы по ней ездили, так сказать? Видали её?

Игорь: Ну, ездил, конечно. Немного, правда, но бывал кое-где. В Питере бывал, в Сочи...

Антонов: И как она?

Игорь: В смысле?

Антонов: Ну, из себя какая?

Игорь: Ну, как «какая»? Большая, красивая... На севере Сибирь, там снег всегда и всё такое. На юге... ну, юг на юге, там тепло. Море.

Аня: А еще?

Игорь: Ну, что еще?.. Россия и Россия, что тут еще скажешь?

Остальные переглядываются. Пауза.

Тимофеев: Мог бы и поскладней что сочинить! Тьху! *(Выпивает в одиночку)*

Игорь некоторое время тупо смотрит на него, потом оглядывает остальных и, взяв свой стакан, молча выпивает.

Затемнение.

НОЧЬ

Игорь спит, забыв погасить керосиновую лампу на табуретке у кровати. У него на груди лежит блокнот – сон сморил Игоря, когда он что-то записывал, и ручка, выпавшая из рук, валяется на полу.

За окном гудит ветер, слышен грохот волн – шторм. Дверь приоткрывается, тихо заходит Аня. Некоторое время стоит, глядя на Игоря, потом подходит, садится на краешек кровати. Смотрит. Её взгляд падает на блокнот, она берет его, перелистывает страницы. Читает.

Голос Игоря: Кажется, что здешнее небо сейчас упадёт тебе на плечи... Остров Рикоту сначала казался маленькой точкой на горизонте... *(Аня перелистывает страницу)* Москвичей часто упрекают в том, что они не знают России, лежащей за пределами МКАД. Но на Рикоту мне впервые пришлось столкнуться с тем, что и Россия не знает Москвы. Более того – здешние жители уверяли меня, что Москвы не существует! Но, не веря в существование нашей столицы, они имеют столь же смутное представление и о России в целом. Эти люди живут на самом ее краешке, и страна видится им абсолютно чужой, посторонней, как бы выдуманной. Она очень далеко от них, поэтому – есть ли она вообще? Или есть только этот остров, на котором нашли свою новую и единственную родину эти пятнадцать человек?..

Аня листает дальше – страницы пусты. Она закрывает блокнот, кладет его на табуретку, берет руку Игоря в свои и сидит молча. В углах комнаты в голубоватом свечении колышутся тени, похожие на водоросли.

УТРО

Игорь спит, свернувшись калачиком. Аня собирает завтрак – заваривает чай, режет хлеб, открывает банку с вареньем. Случайно задетая металлическая кружка с грохотом падает на пол, катится. Игорь переворачивается на другой бок, несколько секунд спустя рывком садится.

Игорь (спросонья): Настя?

Аня: Это я, Аня. Доброе утро.

Игорь: А-а... *(Падает на подушку)* Аня... Да, остров Рикоту... Доброе утро.

Аня: Вставайте, чай заварен уже.

Игорь: Знаете, я так спал... Так странно, знаете... Такие сны... Что-то морское такое, необычное.

Аня: Если морское – значит, приятное. Рукомойник знаете, где?

Игорь: Да, за углом, я видел.

Медленно поднимается, надевает ботинки, достает из рюкзака зубную щетку, тюбик пасты, полотенце, идет к двери. Открыв ее, оборачивается к Ане.

Игорь: Знаете, это были водоросли. Всю ночь водоросли во сне видел. Из-за ваших вчерашних угощений, наверное...

Выходит. Аня улыбается, что-то мурлычет себе под нос, разливает по кружкам чай. Подходит к висящему на стене маленькому зеркальцу, поправляет волосы, поворачивает голову так и этак. Возвращается Игорь.

Аня: Садитесь, я чай налила уже.

Игорь: Вот спасибо.

Садится, берет большой кусок хлеба, мажет вареньем, начинает уплетать. Аня садится напротив, смотрит на Игоря, подперев рукой голову.

Игорь (*заметив взгляд*): Чего?

Аня качает головой, берёт кружку, дует, осторожно пьёт.

Игорь: Это из каких ягод варенье такое вкусное? Брусника, что ли?
(*Аня качает головой, улыбается*) А из каких?

Аня: Это смесь разных водорослей.

Игорь: Ох, ёлки-палки... Опять водоросли.

Аня: Разве не вкусно?

Игорь: Очень вкусно! Я ничего и не говорю. Просто везде водоросли, водоросли...

Распахивается дверь, на пороге – тяжело дышащий Антонов.

Антонов: Всё, журналист, приплыла твоя «Ракета»! К западному берегу прибило – раздолбанная вся на хер!

*Убегает. Спустя несколько секунд Игорь срывается за ним.
Аня улыбается, пьёт чай. Распахнутая дверь скрипит на ветру.
В дом быстро заходит Степанова, закрывает дверь, падает на табуретку.*

Степанова: Ну, ты слышала, Анечка? Слышала?

Аня (*безмятежно*): Да, Антонов сейчас заходил.

Степанова: Получается – приняла жертву? Не отказала?

Аня: Разве она когда-нибудь отказывала?

Степанова: Весь баркас разбит, никого из людей нет, а там же их человек пять было!

Аня: Дело верное.

Степанова: Всех прибрала. Приняла жертву, приняла. (*Закрывает глаза и, молитвенно сложив руки, быстро что-то шепчет*)

Аня: А жертва хорошая. Дело верное.

Степанова: Уж такая хорошая, Анечка, хозяйюшка, уж такое верное! Всё будет, всё – как просили, как молили...

Аня: Он сейчас вернётся, так ты выйди – я говорить с ним буду. Постой у входа, чтоб никто не мешал.

Степанова: Ага, сделаю, сделаю. Ох, Анечка, ох, хозяйюшка...

Аня: Ну ладно. Разохалась. Я же говорила, что всё хорошо будет.

Степанова: Это я так... Это я от восхищения.

Заходит взлохмаченный Игорь. Садится. Он очень растерян. Степанова тихонько выходит, закрывает дверь.

Игорь: Я не понимаю... Антонов сказал, что я теперь неизвестно, когда уеду.

Аня: Это действительно ваша «Ракета»?

Игорь: Да... Она. Завтра за мной приехать должна была...
(Машинально пьёт чай)

Аня: Наверное, сегодня ночью в шторм попали.

Игорь: Что делать-то? (Аня пожимает плечами) У вас же должна быть лодка какая-нибудь, катер...

Аня: Нету.

Игорь: Пусть не моторка, пусть хоть с вёслами...

Аня: У Тимофеева есть вёсельная, но она худая стоит уже сколько месяцев... И на вёслах вы всё равно не доплывёте.

Игорь: Доплыву, доплыву. Её починить реально?

Аня: Не знаю. Но вы не доплывёте.

Игорь: Ничего, нормально. Справлюсь. Сейчас Тимофеева найду, починим.

Аня: Слушайте, ну перестаньте уже. Вы на баркасе сколько сюда плыли?

Игорь: Не знаю... Часа три?

Аня: Вот именно.

Игорь: Чёрт... А если с кем-нибудь? Чтобы попеременно на вёслах...

Аня: Это самоубийство. Оставайтесь, ждите другой баркас. Шторм через пару дней утихнет, рыбаки должны быть в конце следующей недели.

Игорь: Вы смеётесь, что ли?! У меня работа, мне в Москву надо! У меня билет на самолёт на завтрашний вечер! От вас до Москвы почти трое суток с пересадками добраться! *(Встаёт, ходит по комнате, потом достаёт из рюкзака мобильный телефон, нажимает кнопки)* Связи нет, конечно. Твою мать! *(Кидает телефон на кровать)* Вы... Слушайте, ну должна у вас тут рация быть, фигня какая-нибудь для связи?

Аня качает головой.

Игорь: Н-но... как? А если что-то случится? Если бошку кто проломит? Если несчастный случай?

Аня: У нас не бывает несчастных случаев.

Игорь: Ну, вы же не можете гарантировать, что их вообще не будет. Случится – и всё.

Аня: Вряд ли. Но, если что, я могу справиться – я фельдшерские курсы закончила...

Игорь: «Фельдшерские курсы»! А если открытый перелом у кого? Много они помогут, ваши фельдшерские курсы...

Аня: ...Кроме того, у меня огромное количество целебных мазей и настоек из водорослей.

Игорь: Опять водоросли! Кругом эти водоросли ваши! СПА-курорт пора открывать, блин!

Аня: Да вы сядьте. Успокойтесь.

Игорь: Анечка, дорогая, у меня работа. Понимаете вы это или нет? У меня сроки. Мне материал сдавать.

Аня: Да сядьте же!

Удивлённый ее тоном, Игорь садится.

Аня: Вот чего не люблю – это когда люди метаться начинают. Выдумают себе проблемы, и давай метаться. Весь этот ваш человеческий мир – одна большая выдуманная проблема. И вообще всё придуманное, ничего настоящего. Что, вашей жизни угрожает что-то?

Игорь: Н-нет...

Аня: Так что вы мечетесь? «Мне материал сдавать»!.. Вас что, убьют, если вы его не сдадите?

Игорь: Н-нет... Но вы не понимаете...

Аня: Бросьте. Всё я понимаю. Только это условности сплошные. *(Игорь открывает, было, рот, чтобы что-то сказать, Аня машет рукой)* Знаю, знаю! Сейчас скажете, что убить не убьют, но могут уволить. Ну, и уволят – и что? В другое место пойдете работать. Вот поживёте немного здесь, и потом просто не поверите, что когда-то вас такая ерунда могла волновать.

Игорь: Нет, постойте... Я не собираюсь здесь жить. Мне ехать надо.

Аня: Уехать вы не можете. Дальше что?

Игорь: То есть как это? Н-ну, пусть завтра не получится, но вы же сами сказали, что рано или поздно придут рыбаки – они же смогут меня увезти?

Аня: Вот видите.

Игорь: Что?

Аня: Ну вот, уже полегче, правда? Уже на вёслах никто никуда не плывёт, уже спокойно недельку ждём рыбаков, правда?

Игорь: Н-ну... Ну если придётся...

Аня: Придётся.

Игорь: Знаете, меня что-то начинает напрягать ваше островное гостеприимство.

Пауза.

Аня (*вздыхнув*): Ну, хорошо... Но можно же посмотреть на всё это с другой стороны. Вы вынуждены пробыть здесь дольше, чем планировали, но благодаря этому вы лучше узнаете нашу жизнь, узнаете Рикоту... И потом напишете не какой-то там очерк, а большой материал, большую статью с подробным рассказом. Ведь здесь... здесь же совершенно особенный мир. Рикоту – это всё, что у нас есть. Он... он настоящий, понимаете? И жизнь здесь тоже... Вы увидите, насколько она не похожа на ту вашу, выдуманную жизнь. Весь этот придуманный мир, о котором вы нам рассказывали – про это, конечно, забавно послушать, посмеяться, но это не более чем сказка. Вы сами поймёте... чуть позже. А вот то, что здесь – наш остров, наша жизнь, – это, может быть, единственная настоящая вещь. Это наша реальность, и ничего другого нам не надо, да и нет ничего другого.

Игорь: Аня, Аня, стойте! Ну, хорошо, этот ваш прикол про то, что Москвы не существует, я уже слышал. Это... я могу это даже понять. Пусть. Но вы же видели другую жизнь, кроме Рикоту. Вы же родились не здесь, вы же где-то росли, учились, у вас папа-мама есть... или были. Пусть вам всем так здесь нравится, что вы никуда не хотите уезжать даже в отпуск, но про другую жизнь вы не знать не можете! Потому что когда-то она была у всех вас, разве нет?

Аня: Прошлая жизнь... Ну, вот вы сегодня сели завтракать, и наверное вспомнили о том, чем обычно кормит вас на завтрак ваша девушка, да? То есть вспомнили о прошлой жизни, как оно было там. Или вы, наверное, ходили по острову, смотрели на море, и думали, может быть, что оно – точно как на картине, которую вы когда-то видели в прошлой жизни. Но у всех нас, живущих здесь, в одно прекрасное утро наступил такой момент, что прошлая жизнь перестала вспоминаться. Совсем. Нет, конечно, если напрячься, постараться, то можно вспомнить что-то – отрывки, фрагменты, – но нам просто незачем это вспоминать.

Игорь: Ну, Степанова же вспомнила. Про мужа-покойника вон своего рассказывала.

Аня: Ну, потому что вы её спросили, видимо. Коля её... да-а... Довольно быстро он нас покинул. Не очень приятный был человек.

Игорь: Подождите... Стойте, как же она сказала там?.. Она сказала что-то вроде «водоросли забрали моего Кольку»... Чёрт, что это значит всё?

Аня: Он купался, запутался в водорослях, и утонул.

Игорь: Да?

Аня: Да, и хватит о нём. Пейте чай.

Игорь: Надеюсь, у вас чай-то хоть не из водорослей?

Аня: Есть и из водорослей. Но этот обычный, для вас.

Игорь: Чёрт-те что... *(Пьёт чай. Пауза)* Знаете, насчёт большого материала – это вы правы, пожалуй. Это соблазнительно. Просто... Чёрт, да у меня же Настька там с ума сойдёт, вы понимаете?! Я же никак сообщить не могу, что я здесь застрял! Из редакции будут ей звонить, матери будут звонить!.. Чёрт... *(Беспомощно)* У матери же сердце... *(Аня наливает чай)* Пропади он пропадом, ваш Рикоту...

От резкого порыва ветра распахивается дверь, за ней стоят Степанова, Антонов, Селезнёва, Тимофеев, еще несколько женщин и мужчин.

Аня: Проходите. Чай будем пить.

Они проходят молча, рассаживаются на табуретки, на кровать. Антонов, закрыв дверь, остаётся у неё, привалившись к косяку.

Игорь: Здравсьте...

Никто не отвечает.

Степанова: Эвон шторм-то разыгрался...

Селезнёва: Еще несколько дней не утихнет.

Антонов *(ласково):* Мастерицы вы наши...

Тимофеев: Ничё... Поживёт, пообвыкнется...

Игорь: Господин Антонов, Аня сказала, что где-то через неделю рыбаки должны прийти... Неужели у вас всё-таки ни рации, ничего такого нет?

Его не слышат.

Селезнёва: А чё не пообвыкнуться-то? Вон как у нас хорошо.

Степанова: Это точно. А там как детки пойдут – ой как славно будет. Нам без деток никак. Помрём – кто останется?

Антонов: Ну, теперь уж останутся. Будет жить Рикоту.

Аня: Вы, главное, не забывайте великую мать благодарить.

Тимофеев: Это мы не забываем. Это обязательно.

Степанова: Ох, милостива, ох, милостива!

Игорь непонимающе вертит головой.

Игорь: Э, люди! Вы про что вообще?

Аня: Игорь, вы пейте чай, а то совсем остынет. И, может быть, на «ты» уже перейдём?..

Затемнение.

ДЕНЬ

Всё та же комната. На столе – остатки чаепития, рюкзак Игоря висит на гвозде в углу, кровать аккуратно застелена.

Голос Степановой: Иго-орь! Игорёха! *(Открывается дверь, Степанова заглядывает в дом)* Игорёк!.. Тю ты, пропасть, да где он?

Открывается дверь в другую комнату, выходит Аня. У неё на руках – запеленатый малыш, и, судя по её животу, месяца через два появится еще один.

Аня: Ну, чего кричишь?

Степанова: Ох, Анечка, красавица, ты дома! А я ору, ору... Игорёха-то где? Там тюленей мужички привезли – свежевать надо!

Аня: Не знаю, утром ушел куда-то...

Степанова (ребёнку): Ой как мы спим хорошо... Ой да мы красивенькие какие... Ой да ты солнышко моё, малёк ты мой...

Аня: Подержи пока. Чайник поставлю.

Степанова берёт ребенка, ласково, шёпотом, сюсюкает. Аня набирает из ведра чайник, ставит на плиту. Садится на табуретку.

Аня: Устала...

Степанова: Ой, красавица, да где ж тут не устать, с маленьким дитём-то! Да с животом вон ещё... Ты поклади в корзинку-то, что есть грязного, я позже заберу, постираю.

Аня: Спасибо, тётъ Саш...

Открывается дверь, заходит Игорь. От его стильной причёсочки не осталось и следа, лицо заросло густой бородой.

Степанова: О, Игорёха! А я ведь за тобой. Тюленей мужички привезли – айда свежевать поможешь.

Игорь: Ага. Иду. *(Зачерпывает кружкой из ведра, пьёт)*

Аня: Где был-то?

Игорь: Да всё хочу Тимофееву лодку починить. Корыто такое – дыра на дыре.

Степанова: Чё ты привязался к той лодке – что ни день, то чинит! За каким тебе делом нужна та лодка, спрашивается?

Игорь *(с немного виноватой и чуть растерянной улыбкой):* Да не знаю, тётъ Саш. Вроде как надо починить – ну, вот и чиню.

Аня: Да пусть чинит.

Степанова: А и верно, пускай. Всё дело. *(Отдаёт ребенка Ане)* Пошли давай. *(Выходит)*

Игорь наклоняется к ребёнку, улыбается, целует его. Потом нежно целует Аню.

Аня: Свежего мяска принеси.

Игорь: Само собой. *(Идёт к двери)*

Аня *(вдруг):* Хорошо здесь у нас, правда?

Игорь *(останавливается, оборачивается):* Да, очень хорошо. Вот лодку тимофеевскую починю – катать тебя буду по морю.

Аня: Ой, только не далеко от берега! *(Смеётся)*

Игорь: Зачем далеко? Вокруг Рикоту кататься будем. *(Выходит)*

Затемнение.

Конец.

2007 год
moshina@yandex.ru